

Светочное сказание

Несмотря на то, что влиянием его семьи Торн не уступало графским или даже герцогским семьям, основная их мощь, войско Торн, находилось за пределами королевства, оберегая его южные рубежи. Однако Элиан никогда не чувствовал себя выше других. Он понимал, что семейные обстоятельства, такие как пол и положение, — лишь дело случая. Это понимание питало его презрение к знати, легко хваставшейся своим статусом даже в повседневных разговорах.

К несчастью, до пяти лет он был вынужден общаться и беседовать с отпрысками знати. Дипломатия и торговля требовали сотрудничества Торнов и знати — взаимовыгодных, но презренных отношений.

Элиан терпел эти встречи, с трудом перенося их непрерывное хвастовство. Некоторые даже не скрывали своего презрения к нему, «простолюдину», как они говорили. Как могли они питать в столь нежном возрасте такое презрение? Только знатные люди могли это объяснить.

Последние несколько лет он провел в блаженном одиночестве, вдали от их бессмысленной спеси. И за столь долгий перерыв он успел позабыть, насколько они отталкивающи и исполнены ненависти. Но бумаги, которые он только что прочел, послужили ему жестоким напоминанием.

Элиан углубился в чтение документов, и с каждой прочитанной строчкой его гнев и ярость усиливались. В норме он пробежал бы их за считанные секунды, но сейчас читал медленно и вдумчиво, стараясь впитать в себя каждое слово.

Чем больше он понимал, тем сильнее разгоралось в нем пламя гнева. С каждой строкой ярость разрасталась, выливаясь в произвольное возникновение крохотных дуг молний, потрескивающих вокруг него и чуть не сжигающих бумаги. Лишь тогда Элиан осознал свое перевозбуждение и сумел успокоить внешнее проявление. Но тлеющий гнев так и остался тяжелым комком в его животе.

— Почему ты ничего не сделала? — голос Элиана задрожал, когда он задал вопрос Джулии, сжимая так сильно кулаки, что побелели костяшки. Его глаза, наполненные смесью боли и ярости, не отрываясь смотрели на нее, требуя ответов. — Это можно было остановить еще в зародыше. Почему ты не вмешалась? — к концу фразы его голос дрогнул, а слеза норовила выдать терзания в его душе. Он не мог отделаться от тяготившего чувства вины — он, пусть косвенно, был причастен к случившемуся.

Стальной взгляд Джулии был непреклонно прикован к нему. «А каким правом?» — невозмутимо спросила она. — «Голос вдовы генерала не имеет никакой власти в армии».

Элиан, хорошо разбирающийся в делах армии, знал, что она говорит правду. Но не в этом был суть. «Я говорю не о формальных каналах», — умолял он, и его голос дрожал. — «Твоя власть, мам, твоя... недавняя демонстрация доказывает, что в этом королевстве ты можешь покорить

любого. Почему же тогда ты не вмешалась? Зачем ты позволила этим убийствам продолжаться?»

Джулия замолчала, на ее лице застыла непроницаемая маска. Элиан, хорошо зная привычки матери, понял, что перешел черту. Она яростно оберегала свои секреты, и он всегда уважал эти границы. Но на сей раз отчаяние перевесило его почтительность.

— Твои секреты важнее жизней людей? — наседал он, и его голос надрывался от горя и гнева.
— На что ты готова пойти, чтобы защитить их? Или тебе просто наплевать? Тебе... хоть кто-нибудь важен? Ты... ты ведь любила отц —

Его слова оборвались на полуслове. Паралич охватил его, сковав его конечности, а язык отяжелел от невысказанных обвинений.

— Следи за языком, мальчик, — тихо и угрожающе произнесла Джулия, и ее глаза сверкнули яростью. — Твоя злость не дает тебе права оскорблять таким образом. Тебе надо было высказаться, но ты выбрал неправильную цель. И никогда, никогда не смей ставить под сомнение мою любовь к твоему отцу. В следующий раз, когда ты пересечешь эту черту, последствия будут куда серьезнее, чем предупреждение. Понял?

Элиан продолжал молчать, его тело все еще сковывал паралич. Несмотря на физическую неспособность двигаться, его разум давно уже отступил от бушующего гнева, оставив лишь ясное осознание своего проступка. С ледяющей ясностью он понял, что мать утихомирила его молниеносной манипуляцией, целенаправленно поразив его синапсы, чтобы вызвать принудительное успокоение. Это было свидетельством ее необычайного контроля, силы, которая поражала воображение и ужасала одновременно.

Еще более тревожной была уверенность в том, что она позволила ему осознать ее вмешательство, хотя могла бы легко действовать незаметно.

"ЯСНО?" - прогремел по комнате голос Джулии, выдернув его из раздумий.

Глаза Элиана затрепетали в ответ - это было единственное движение, которое он мог выполнить. Его мысли завопили безмолвный ответ: "Я все еще парализован. Как я могу что-либо ответить?"

Словно уловив его невысказанную мольбу, Джулия немного смягчилась. "Ах, да, я почти забыла, насколько ты все еще хрупок".

Чувствительность постепенно возвращалась, Элиан восстанавливал контроль над дрожащими конечностями. Он открыл рот, чтобы извиниться, но Джулия оборвала его.

"Не нужно. Это вспышка вполне объяснима - первое столкновение с настоящим гневом. Я не буду вменяю это в вину. Но неуважение? Этого я не потерплю. Однако в остальном ты волен

поступать как тебе угодно".

Элиан склонил голову, на мгновение ощутив, как проблеск облегчения борется с затянувшимся разочарованием, тяжелым грузом ложившимся ему на сердце. "Спасибо, мама, - мягко произнес он. - Но я все еще не понимаю, почему ты не вмешалась".

Несмотря на более спокойное состояние, вопрос не давал ему покоя. Ему нужно было знать, была ли его мать действительно такой хладнокровной, такой равнодушной к страданиям их собственного народа.

Джулия встретила с ним взглядом, и в его глазах не было сомнений ни в чем. Он отчаянно надеялся, что его подозрения были ошибочными, что его мать не была "такой уж плохой". Но, к сожалению, реальность была суровой.

"Я не твой отец, Элиан, - сказала она, ее голос был холодным и отчужденным. - Я сильно любила этого человека и уважала его идеалы. Но я никогда не принимала их как свои". Ее глаза мелькнули, прежде чем она продолжила, ее голос лишился теплоты. "Я не хочу видеть страдания 'нашего' народа, но я и не стану лезть из кожи вон, чтобы им помочь".

"..." Подавленный тяжестью осознания, Элиан боролся за ответ, вдруг осознав, что его восприятие, возможно, было давней иллюзией. Никакие слова не всплыли, чтобы опровергнуть истину, которую он начинал признавать.

Его мать редко вступала в разговоры о себе. Она часто оставалась дома, скрывая свою личность от него. Восприятие Элиана в отношении нее всегда ограничивалось образом заботливой матери, который она проецировала. Он высоко ценил ее, обожествляя ее как воплощение доброты. Однако разрушенная иллюзия показала суровую правду. Элиан ощутил глубокое чувство разочарования.

Женщина, которую он думал, что знал, оказалась не тем, чем казалась, скрывая свои истинные мысли и убеждения. Ее скрытная натура скрывала ее намерения, оставляя Элиана в пустоте осознания. Тепло, которое он связывал с нею, было притворством, маской, скрывающей реальность, к которой он был слеп. Это его обескуражило, мучило болезненное понимание того, что его восприятие ее было далеко от реальности.

<http://tl.rulate.ru/book/106552/3837045>